

Встретимся на финише

Анна Аксель

Анна Аксель

Встретимся на финише

<https://litres.ru/74232868>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эллиот Карт — блестящий инженер, чья карьера рухнула из-за ложного обвинения. Уволенная из команды «Зефир», она почти сдаётся, но неожиданный звонок от Карла Эшера даёт ей второй шанс. Она становится инженером в команде Ascher Racing, где её пилотом оказывается Данте Ривз — молодой, дерзкий и недоверчивый гонщик, который привык полагаться только на своё чутьё.

Их первые недели — сплошные столкновения: она требует дисциплины и цифр, он — свободы и интуиции. Данте впервые видит в ней не просто инженера, а человека, который боится ошибок так же сильно, как и он сам. А Эллиот, пережившая предательство в прошлом, начинает верить, что этот пилот — не тот, кто её подставит.

Их путь — это медленное, выстраданное доверие, которое растёт вопреки страхам, слухам и семейным драмам. Гонки, дождь, брусчатка, туман — каждая трасса становится испытанием не только для машины, но и для их чувств. Смогут ли они встретиться на финише — не как инженер и пилот, а как двое, готовых довериться друг другу?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Не верь слухам	7
Глава 2. Цифры не врут	17
Глава 3. Авалон и Норхайм-ринг	21
Глава 4. Монтеверди	27
Глава 5. Последствия	33
Глава 6. Шрамы	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анна Аксель

Встретимся на финише

Пролог

- И что ты думаешь делать теперь? – подруга внимательно смотрела на Эллиот, которая по ощущениям находилась где угодно, но не здесь.

- Не знаю. Меня просто подставили. Я все сделала правильно. Крис, слушай, может вам бармены нужны в ресторанчик? Или посудомойки, я уверена, что твой папа меня с радостью возьмет, - Эллиот нервно теребила рукав свитера, смотря в стол.

Кристина задумчиво посмотрела на часы.

- Нет уж, давай попробуй податься в другие команды, зря что ли училась? – шатенка серьезно на нее посмотрела. Эллиот шумно выдохнула.

- Ладно, может что-то из этого и выйдет, но держу пари, слухи уже до всех команд дошли, - девушка разблокировала смартфон. На дисплее показалось сообщение от сестры: «ты там скоро? Я есть уже хочу!!» - Я уже побегу, Марин хочет есть. Я ей обещала вашу пиццу.

- Давай. Передай привет ей, - Кристина проводила взглядом подругу, выходящую из ее семейного кафе. Погода в

Лондоне совершенно не радовала. Девушка грустно вздохнула. Как же ей хотелось бы, чтобы у Эллиот все было хорошо, но складывалось порой впечатление, что кто-то наложил на нее порчу или заклятие невезения. В общем, сглаз.

Эллиот брела по серым улицам серого города. В одной руке сумочка, в другой – пакет с коробкой пиццы. Ноги промокли, повсюду лужи, носки противно прилипли к коже. Хмурое небо любимого города, казалось, смотрело с насмешкой. Девушка помотала головой, пытаясь выкинуть ненужные мысли. Русые волосы с каждой минутой становились влажными, прилипая ко лбу и шее.

Пару кварталов и она была уже на пороге квартиры. Девушка вставила ключ в скважину, провернула его трижды и, отворив дверь, зашла. Скинула с ног мокрые кроссовки, скорее всего потом она забудет их поставить сушиться, но сейчас это было не так важно. В коридор вышла сестра.

- Ну и где моя пицца, Эллиот Джейн Карт? – Марин прищурила свои карие глаза, смотря на старшую сестру.

- Марин, ты домашку сделала? – сестра хитро улыбнулась. – Если нет, то я тебе пиццу не дам.

- Да сделала-сделала, - Эллиот протянула коробку с лакомством сестре. – Кстати, тебе звонили из Эшер. Говорят, что хотели бы тебя инженером взять и слухам не верят. Сказали, что подстава.

- Когда звонили? – Эллиот широко раскрыла глаза, глядя на довольную Марин, которая скрылась за поворотом.

- Буквально полчаса назад. Просили перезвонить, номер на стикере на холодильнике, - крикнула с кухни сестра.

Девушка пулей помчалась на кухню, чуть не поскользнувшись в сырых носках. На смартфоне набрала номер. Послышались гудки.

- Это Эллиот Карт, - немного нервно проговорила она, когда трубку наконец подняли.

- Эллиот, добрый вечер. Это Карл Эшер. Хотел с Вами обсудить возможность дальнейшего сотрудничества, завтра в офисе компании в полдень можем встретиться? – спокойный голос мужчины уверенно вещал ей. Это же сам Эшер.

- Да, конечно, - пискнула девушка.

- Вот и отлично. До встречи, - Карл отключился.

Эллиот не могла поверить своим ушам. Ее позвали в команду, подающую надежды. В команду с молодыми перспективными пилотами. Марин, жевавшая пиццу, пристально посмотрела на сестру, но ничего говорить не стала.

Глава 1. Не верь слухам

На следующий день погода в дорогом сердцу городе не улучшилась. Эллиот вышла из дома в девять утра, потому что до Оксфорда добираться почти два часа, а опаздывать в первый день — это как прийти на собственные похороны с улыбкой. Дождь, к счастью, кончился, но небо осталось бледным, выцветшим, словно старая простыня, которая лежала в шкафу у бабушки сто лет.

В поезде она трижды перечитывала сообщение от Карла Эшера с адресом. База команды находилась в индустриальном районе на окраине города — не в центре, где пабы и туристы, а среди складов и автомастерских. Когда она вышла из такси, первое, что увидела, — длинный ангар из рифлёного алюминия, стеклянную перегородку и бетонную площадку, на которой мокли три грузовых контейнера с логотипом Ascher Racing.

Зелёный. Серебряный. Без лишнего пафоса.

Она толкнула дверь и сразу утонула в запахах. Нагретый углепластик — как палёный сахар, но с металлической нотой. Специальное масло для пневмогайковёртов. Запах тормозной жидкости. И кофе — дешёвый, переваренный, из автомата, который стоит в углу и моргает красной лампочкой.

Гул. Не двигателей. Воздух гудел от компрессоров, от радиообмена в наушниках механиков, от того, как пневматика

шипела, когда кто-то отсоединял шланг.

Эллиот замерла на пороге. На секунду ей показалось, что она вернулась в прошлую команду. Та же святая святых, те же стойки с колёсами, те же флипчарты с набросками подвески. Но нет. Здесь стёкла мыли чаще, а на полу не было масляных пятен. Даже люди не орали друг на друга, а что-то обсуждали спокойно с серьёзным видом.

— Эллиот Карт? — к ней подошёл высокий лысый мужчина с татуировкой шестерёнки на запястье. — Я Томас, технический директор. Карл просил встретить.

— Здравствуйте, — она пожала сухую тёплую ладонь.

— Нам сказали, что тебя вышвырнули из «Зефира» за саботаж. — Томас не улыбнулся. Просто констатировал факт, как будто говорил о погоде. — Но у нас дыра на твоём месте. Покажешь класс — останешься. Пойдём, познакомлю с пилотом.

Он не спросил, правда ли саботаж. Не спросил, что случилось. Эллиот почувствовала благодарность — редкую, острую, как заноза.

Они прошли через бокс, где механики в синих комбинезонах возились с прошлогодней машиной. Она стояла на домкратах, без колёс, с ободранным носовым обтекателем — будто её жевали и выплюнули. Зелёный карбон, серебряные вставки. Красиво, даже когда искалечено.

Данте Ривз сидел на корточках у заднего антикрыла.

Эллиот узнала его сразу — по фотографиям в гоночных

паддоках, по нарезкам обгонов, которые она просматривала ночами, готовясь к собеседованию. Но вживую он оказался другим. Не таким «глянцевым». Темные волосы прилипли к вискам, комбинезон расстёгнут до пояса, рукава завязаны на талии, футболка промокла на спине. И он не смотрел по сторонам — только на углепластик, по которому медленно вёл ладонью. Как гладят зверя, чтобы тот не укусил.

— Данте, — сказал Томас. — Твой новый инженер.

И отошёл.

Данте не повернулся.

— Вы новый инженер? — спросил он, разглядывая плоскость антикрыла, словно искал там трещину.

— Эллиот Карт.

— Звучит как имя бармена или официантки. — Он наконец встал. Повернулся.

Глаза зелёные, но не тёплые. Пустые и колючие, как осколки бутылочного стекла на солнце. Он был выше на голову, шире в плечах, и когда сделал шаг в её сторону, она непроизвольно втянула живот — но не от страха.

— Бармену, наверное, платят больше, — добавил он. — И нервы целее.

Эллиот не отвела взгляд.

— Ваше имя звучит как имя человека, который разбил четыре передних крыла за сезон. — Она говорила тихо, но так, чтобы слышали все. Механик с пневмогайковёртом замер. — Два — по собственной глупости. Один — из-за от-

каза тормозов. Четвёртый — потому что не послушал прошлого инженера. Я читала телеметрию.

Тишина стала плотной, как бетон. Данте медленно переступил с ноги на ногу. В его лице что-то дёрнулось — не злость, не усмешка, а что-то среднее. Любопытство, наверное.

— Значит, читала, — сказал он негромко. — Тогда знаешь, что в восьмом повороте Эшфорда я выжал из той развалины то, что она не могла дать. Инженер сказал «жми», и я жал. Пока не отвалились колёса.

— Инженер сказал «жми» потому, что вы на практиках врёте о поведении задней оси. — Она заметила, как дёрнулся его кадык. — Вы боитесь признаться, что не чувствуете снос на длинных дугах. И поэтому открываете газ на секунду позже, чем надо.

Сейчас он улыбнётся. Или взорвётся.

Данте сделал ещё шаг. Теперь между ними было меньше полуметра. Она слышала его дыхание — ровное, как у человека, который привык к давлению.

— Мы будем ссориться каждый день? — спросил он.

— Будем работать каждый день. Ссоры — это побочный эффект.

Она протянула ему флешку — зелёную, с наклейкой «Ascher. Балансировка v.1». Данте взял её, не глядя, сунул в карман комбинезона. Потом всё-таки улыбнулся. Криво. Только уголком рта.

— Ладно, Карт. Посмотрим, какой из тебя инженер.

Он развернулся и ушёл в глубь бокса, к стойке с мониторами. Механик с пневмогайковёртом выдохнул — кажется, он не дышал все эти минуты, и вернулся к работе.

Эллиот осталась стоять на месте. Пальцы дрожали. Она сунула их в карманы куртки, чтобы никто не заметил. Не от страха. От того, как он смотрел — будто пробовал на прочность. И от того, что ей это, чёрт возьми, понравилось.

— Тест-драйв на Авалоне через три дня, — сказал Томас, возникая за её спиной. — Подготовишь настройки к среде. Кабинет — вторая дверь налево, там ноутбук и доступ к телеметрии.

— Поняла.

Она пошла по коридору, пахнущему машинным маслом и холодным металлом. Остановилась у двери, обернулась. Данте уже сидел за монитором, вставил её флешку. Что-то бормотал себе под нос, наклоняя голову к экрану. Эллиот отвернулась и толкнула дверь. Работа. Только работа.

Немного погодя, ей пришло СМС о том, что господин Эшер ожидает ее в своем кабинете. Эллиот кое-как встала с неудобного стула, ноги затекли, слишком сильно она увлеклась данными. Кабинет Карла Эшера оказался маленьким, заваленным чертежами и старыми деталями подвески. На стене висела единственная фотография — болид Эшер на финише в дождь, грязные понтоны, дым из-под колёс. Никаких кубков, никаких поцелуев с моделями. Сам Карл сидел

за столом, без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами. Ему было под пятьдесят, но глаза — живые, цепкие. Он не встал, не протянул руки. Только кивнул на стул.

— Садись. Не бойся, кусаться не буду.

Эллиот села. Руки положила себе на колени. Пальцы больше не дрожали — только что тряслись после разговора с Данте, а сейчас унялись. Странно.

— Я читал твоё досье, — сказал Карл. — И про слухи тоже читал в новостях. И слышал лично. — Он помолчал, разглядывая её лицо. — Но мне плевать на слухи. Мне нужен инженер, который не боится идти против течения. В «Зефире» ты спорила с главным стратегом и оказалась права. Тебя подставили — это ясно. Меня не волнует, кто и как и для чего. Меня волнует, сможешь ли ты сделать наш болид быстрее.

Она сглотнула.

— Смогу.

— Это не просто «сделать быстрее». — Он подался вперёд, опираясь локтями на стол. — Наш пилот — Данте Ривз. Талантливый, но упрямый как баран. Прошлый инженер с ним не сработался. Думаю, ты уже поняла это по телеметрии.

— Я поняла, — кивнула она. — Он не доверяет расчётам. Полагается на чутьё.

— Вот именно. А чутьё иногда врёт. — Карл усмехнулся, но без злости. — Твоя задача — не дать ему убить машину и себя заодно. И научить его верить цифрам. Хотя бы иногда.

Он откинулся на спинку кресла.

— Томас сказал, ты не растерялась при первой встрече. Это плюс. Данте нужно подкидывать вызов, иначе он заскучает и начнёт ломать вещи. В прямом смысле.

Эллиот не знала, смеяться или кивать.

— Скоро тест на Авалоне. — Карл взял со стола планшет, что-то пометил. — Томас даст доступ к телеметрии. Если понадобится что-то — звони мне напрямую. Не через секретаршу, не через Томаса. Ко мне.

Он посмотрел на неё так, будто проверял на прочность.

— Я тебя не заставляю. Если чувствуешь, что не потянешь — скажи сейчас. Лучше сейчас, чем после первой аварии.

— Я справлюсь.

Сказала твёрже, чем думала. Даже голос не дрогнул.

Карл кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Или на любопытство. Как же ее злило это их «любопытство», ну подумаешь девушка заправляет огромными данными.

— Тогда добро пожаловать в Эшер, Эллиот. Не подведи.

Она вышла из кабинета с колотящимся сердцем. Уже не от страха. От злости — на прошлую команду, на слухи, на то, что её заставили сомневаться. И от странной, почти пьяной уверенности, что здесь, чёрт возьми, всё получится. Эллиот достала телефон и коротко написала подруге, что все хорошо и ее взяли.

Она заставит Данте поверить в телеметрию и данные. Она

заставит его поверить в числа, а не просто полагаться на свое чутье. Девушка тряхнула головой и зло потопала обратно к себе в кабинет. Ривз, который только вывернул из противоположного угла коридора, внимательно посмотрел в след удаляющейся Эллиот, и только тогда зашел в кабинет к Эшеру.

Данте закрыл за собой дверь и остался стоять, не садясь. Карл поднял на него глаза, и в них не осталось той лёгкой насмешки, с которой он говорил с Эллиот. Взгляд стал тяжёлым, уставшим.

— Садись, Данте.

— Я постою.

— Садись, — повторил Карл тише. — Ноги не отвалятся.

Пилот нехотя опустился на край стула, упёршись ладонями в колени. Весь его вид говорил: говори быстрее, я не хочу здесь находиться.

— Твой новый инженер, — начал Карл без предисловий. — Будешь с ней работать. Без скандалов. Без «я лучше знаю». Она умнее тебя в цифрах, смирись.

Данте усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

— Ты её видел? Она только с флешкой пришла и уже мне нос утёрла. Я не собираюсь...

— А я не спрашиваю, собираешься ты или нет. — Карл перебил спокойно, но жёстко. — Я говорю: будешь. Потому что она — твой шанс выиграть сезон. Прошлый инженер тебя боялся. Эта — нет. И это то, что тебе нужно.

— Мне никто не нужен, — Данте встал, но Карл жестом заставил его сесть обратно.

— Сядь и дослушай. Я твоего отца знаю двадцать пять лет. Мы вместе начинали в картинг-парке, когда у тебя ещё молоко на губах не обсохло. — Карл помолчал. — Он меня просил за тобой присмотреть. И я смотрю. Поэтому говорю, как есть: ты себя губишь. Своим упрямством, своей верой в одно чутьё. Машину убиваешь, себя — тем более. А кто тогда отца лечить будет? Брат твой, семнадцатилетний школьник?

Данте дёрнулся, будто его ударили.

— Не трогай отца.

— Тогда не будь идиотом. — Карл подался вперёд, понизив голос. — Эллиот Карт — твой шанс не только выиграть. Она может сберечь тебе жизнь. Я видел её работу в «Зефире». Её подставили, но она всё равно лучшая. Ты будешь с ней работать, и ты будешь её слушать. Это приказ, если тебе так проще

Повисла тишина. Данте смотрел в пол, на потёртую ковровую дорожку. Потом выдохнул.

— Папа звонил вчера. — Голос сел. — Сказал, химия немного лучше идёт. Но он в тот раз кашлял кровью. Я слышал.

Карл молчал, не торопил.

— Деньги на новый курс нужны, — продолжал Данте, как будто сам себе. — Если я не буду зарабатывать, не вывезу. А

без нормальной машины и нормального инженера я не выиграю. — Он поднял глаза. В них была не злость, а усталая, грязная тоска. — Ладно. Попробуем. Но если она накосячит — я не буду молчать.

— Если она накосячит — я сам её уволю, — сказал Карл.
— Но она не накосячит.

Данте встал. На этот раз его не остановили.

— И ещё, — добавил Карл, когда пилот взялся за ручку двери. — Твой брат обижается не потому, что ты гоняешь. А потому что ты перестал быть ему братом. Не забывай о нём.

Данте не обернулся. Только кивнул один раз, резко, и вышел.

В коридоре он постоял несколько секунд, глядя в сторону, где скрылась Эллиот. Потом засунул руки в карманы и пошёл к боксам, не оглядываясь.

Глава 2. Цифры не врут

Три дня до тестов пролетели как один миг. Эллиот почти не выходила из своей комнатухи, которую Томас называл «кабинетом». На самом деле это была бывшая кладовка: два квадратных метра, стол, заваленный распечатками, допотопный ноутбук, подключённый к серверу телеметрии, и стул, на котором можно было либо сидеть ровно, либо лежать — третьего не дано.

Она раз за разом пересчитывала настройки для Авалона.

Уличная трасса. Узкая, как кишка. Стены в зеркалах, два слепых поворота и одна шпилька, где заднюю ось разгружает так, что машина норовит развернуться. Данте Ривз в прошлом сезоне на этом этапе потерял три позиции на финише — потому что перегрел передние тормоза и не довернул в пятом повороте.

Она смотрела на графики. Его стиль пилотирования — агрессивный, с поздними торможениями, резкой работой рулём. Красиво, но неэффективно. Машина Ascher требовала плавности.

— Нужно сместить развесовку вперёд, — бормотала она себе под нос, водя пальцем по экрану. — И увеличить прижим заднего антикрыла. Он будет ныть, но если он хотя бы раз проедет шпильку с правильной траекторией, поймёт.

На второй день, ближе к вечеру, в дверь постучали.

— Войдите.

Данте зашёл, закрыл за собой дверь. Без комбинезона, в старой толстовке. Остановился у стола, не садясь.

— Что по настройкам?

— Я предлагаю изменить развесовку. Больше нагрузки на перед. И увеличить угол атаки заднего крыла.

— Машина станет тупой и неповоротливой, как утюг. Я не смогу атаковать в пятом повороте.

— Ты и не должен атаковать в пятом. Ты должен проходить его. По правильной траектории. С открытием газа не в апексе, а на выходе.

Она развернула ноутбук так, чтобы ему было видно. На экране — его же прошлогодний круг на Авалоне. Красная линия — его траектория. Синяя — расчётная.

— Видишь разрыв? Две десятых.

Данте наклонился, упёршись ладонью в стол. Посмотрел на графики. Помолчал.

— Если перед не захочет поворачивать?

— Тогда будем менять настройки на втором пит-стопе. Но сначала попробуешь так.

Он выпрямился, скрестил руки.

— А если я откажусь?

Эллиот закрыла ноутбук, повернулась к нему.

— Тогда я пойду к Карлу и скажу, что ты саботируешь работу инженера. И он отстранит тебя от тестов. Договорились?

Он усмехнулся — криво, холодно.

— Ладно, Карт. Посмотрим, какой из тебя инженер.

Вышел, не закрыв дверь. Эллиот выдохнула. Вернулась к телеметрии.

Тестовый день на Авалоне выдался дождливым.

Эллиот стояла на пит-уолл, в наушниках, с планшетом.

Данте выехал на прогревочный круг. По радио тишина.

— Прогрев шин — три круга. Потом атака. Перед жёстче.

— Я помню.

Она не ответила.

На третьем круге он прошёл пятый поворот без сноса.

— Пятый — чисто.

— Хорошо. Теперь шестой. Открывай газ на выходе.

Он не ответил. На восьмом — долгая пауза.

— Чёрт. Это было быстро.

— Заезжай в боксы.

Он подчинился. К финишу тестов его время оказалось на три десятых быстрее прошлогоднего на мокрой трассе.

Когда он вылез из машины, снял шлем, лицо было красным, мокрым, но без прежней злости.

— Неплохо, — сказал он, проходя мимо.

— Еще бы, это моя работа.

Он кивнул и ушёл.

Эллиот осталась на пит-уолл. Дождь кончился. Она свернула планшет, пошла искать такси. Она поймала машину и уехала в отель, который сняли неподалеку для команды.

В холле отеля было тихо. Эллиот подошла к стойке, взяла ключ от номера. Повернулась — и увидела Данте. Он сидел в кресле у окна, смотрел в телефон. Услышал шаги, поднял голову. На секунду их взгляды встретились. Он ничего не сказал. Только кивнул — коротко, без улыбки. Она кивнула в ответ. И пошла к лифту.

В номере она скинула куртку, села на кровать. Достала телефон — пропущенный звонок от Марин.

— Ты звонила? — спросила она, перезвонив.

— Ага. Хотела узнать, как прошло.

— Нормально. Машина быстрая.

— А пилот?

— Тоже нормальный.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что ничего особенного.

Марин вздохнула:

— Ладно. Я спать. Не работай слишком много.

— Постараюсь.

Она отключилась. Посидела в тишине, глядя в стену. Завтра предстояло анализировать телеметрию. И снова спорить с Данте.

Эллиот легла, закрыла глаза, шумно выдохнув.

— Что-то я устала, — сказала она в пустоту.

И заснула.

Глава 3. Авалон и Норхайм-ринг

Утро субботы выдалось хмурым, но сухим. Эллиот приехала на трассу за два часа до квалификации. Пит-лейн гудел — команды готовились, механики перегоняли оборудование. Она прошла в бокс Ascher, проверила машину. Всё было на месте.

Данте появился через час — в комбинезоне, с мокрыми волосами после душа.

— Волнуешься? — спросила она.

— Нет. — Он помолчал. — Ладно, немного. Авалон не прощает ошибок.

— Ты не сделаешь.

— Откуда уверенность?

— Я посчитала.

Он усмехнулся, но промолчал.

Квалификация началась в полдень. Эллиот стояла на пит-уолл в наушниках, сжимая планшет. Данте выехал на прогревочный круг.

— Первая попытка. Атакуй на втором секторе. Пятый поворот — газ в пол, не тормози раньше поребрика.

— Понял.

Первый сектор — ровно. Второй — чуть быстрее расчётного. На выезде из пятого поворота мотор на мгновение сорвался в высокие обороты — но машину не развернуло.

— Четвёртое время, — сказал инженер из соседней команды. Эллиот не слушала.

— Ещё круг. Попробуй сместить торможение под шпильку на пять метров позже.

— Там поребрик высокий.

— Машина выдержит.

Данте промолчал. Прошёл шпильку чисто. На финише — второе время, всего на три десятых медленнее пилота Drakona.

— Карт, ты гребаная колдунья, — сказал он по радио.

— Я инженер. Заезжай в боксы.

Он подчинился.

Вечером они разбирали телеметрию в пустом боксе. Данте сидел через стол, не приближаясь, что было и к лучшему. Она показывала графики, он слушал, иногда кивал. Ни одного лишнего слова.

— Завтра гонка, — сказала она, закрывая ноутбук.

— Знаю.

— Не рискуй.

— Не буду.

Он встал и ушёл.

Воскресенье. Небо затянуло тучами. Эллиот приехала рано. Дождь обещали к середине дистанции — неприятный сценарий, но она была к этому готова.

В боксе Данте был уже в комбинезоне. Увидел её — кивнул.

— Стартуем на сликах, — сказала она. — Если начнётся дождь — не геройствуй, заезжай на промежуточную резину.

— А если я не захочу?

— Захочешь.

Старт прошёл чисто. Данте удержал вторую позицию. Первые десять кругов — стабильно, без атак.

На десятом круге начал моросить дождь. На пятнадцатом трасса стала скользкой.

— Заезжай, — сказала она. — Меняем на промежуточную.

Пит-стоп прошёл за три секунды. В целом, неплохо. Данте вернулся на трассу пятым.

— Теперь атакуй. У тебя три круга, чтобы догнать.

Он молчал, но графики показывали — он слушается. Обогнал четвёртого, третьего. Дождь усилился.

— Сбавь темп. Второе место наше.

— Я могу догнать первого.

— Не можешь. У него преимущество. Не дури.

Молчание. Потом:

— Ладно, Карт.

Он финишировал вторым.

Когда он заехал в боксы, мокрый, с красным лицом, она стояла у барьера. Он подошёл, тяжело дыша.

— Неплохо для первого раза.

— Неплохо для упрямого барана.

Он кивнул и ушёл.

Вернувшись в Лондон, Эллиот собиралась сразу засесть за телеметрию, но Марин была настойчива.

— Ты три дня не была дома, — сказала сестра, преграждая путь к ноутбуку. — Кристина приходит через час. Мы заказали пиццу. Ты будешь сидеть с нами и не думать о цифрах хотя бы два часа.

— У меня работа.

— У тебя всегда работа. А у меня — сестра, которая выглядит как зомби, — Эллиот хотела возразить, но передумала. Она действительно устала.

Кристина пришла с пиццей и бутылкой лимонада.

— Ну, рассказывай, — сказала она, разбирая коробку. — Как прошёл твой первый уикенд?

— Второе место. Неплохо для начала.

— А пилот? — спросила Марин, жуя.

— Профессионал. Слушается команд, когда надо.

— И всё? — Кристина подняла бровь. — Ты говоришь о нём как о роботе.

— Он и есть робот. Талантливый, но без лишних эмоций.

Марин и Кристина переглянулись, но спорить не стали.

— Ладно, — сказала Марин. — Ешь пиццу и расскажи, что было на трассе.

Эллиот откусила кусок и начала рассказывать — о дожде, о стратегии, о том, как механики меняли колёса за три секунды. Без имён, без эмоций. Просто сухая рабочая выжимка.

Когда пицца была съедена, Кристина ушла, а Марин лег-

ла на диван с телефоном. Эллиот подошла к окну. Внизу, на мокрой улице, горели фонари. Она подумала о том, что через неделю снова будет на трассе. Нордхайм-ринг — лес, туман, слепые повороты. И он — упрямый, молчаливый, профессионал. И пошла в душ.

Через две недели команда вылетела в Германию.

Трасса Нордхайм-ринг пряталась в лесу — узкое полотно, стены из деревьев, слепые повороты и знаменитая связка «Ножницы». Местные называли её «Зелёным адом».

Эллиот подготовила настройки заранее. Данте работал на симуляторе, она корректировала данные. Они обменивались короткими сообщениями. Даже не ругались.

В пятницу прошли практики. Туман, скользкий асфальт. Данте был мрачен.

— Машина не едет, — сказал он после сессии.

— Едет. Ты слишком агрессивно проходишь поребрики.

— Я знаю, как водить.

— Ну вот тогда и води. Я буду считать.

Он посмотрел на нее исподлобья, но промолчал.

Квалификация в субботу — пятое время. Он злился, но на брифинге молчал, а вечером ушёл в отель, не попрощавшись. Эллиот осталась в боксе, пересчитала настройки. Она знала, что он боится. Нордхайм не прощает страха. Эта трасса была в разы сложнее Авалона.

Воскресенье. Гонка.

Туман сгушался. Эллиот стояла на пит-уолл, сжимая

планшет. Страх за чужую жизнь. Кажется, к этому чувству она никогда не привыкнет.

— Старт аккуратнo. Первый поворот — самый опасный.

— Понял.

Он удержал позицию. На десятом круге туман стал плотным.

— Сбавь темп. Береги шины.

— Я знаю.

На пятнадцатом он начал атаку. Обогнал четвёртого, третьего. На двадцатом — догнал второго. Борьба в «Ножницах». Машина вильнула, но он удержал.

— Прошёл! — крикнул он.

— Держись.

Он финишировал вторым. Когда он заехал в боксы и вышел, его глаза были возбуждёнными. Но он не сказал ни слова. Только кивнул ей издалека. Она кивнула в ответ.

Вечером, сидя в номере, она разбирала телеметрию. За стеной слышались шаги — кто-то прошёл мимо её двери, не останавливаясь.

Она выключила ноутбук, легла в кровать.

— Сбавь темп, — сказала она себе в темноту, - нужно иногда отдыхать, Эллиот.

Лес за окном молчал.

Глава 4. Монтеверди

Трасса Монтеверди была похожа на ловушку. Каждая трасса была опасной по-своему.

Узкое уличное кольцо, брусчатка в некоторых поворотах, стены вплотную — и никаких зон вылета. Только бетон. Эллиот изучила её по картам и телеметрии, но вживую, когда они прилетели в Италию, всё выглядело иначе. Более тесным, более опасным.

Карл собрал брифинг в день прилёта.

— Дождь обещают на все три дня, — сказал он. — Сток воды здесь плохой. Брусчатка становится скользкой, как лёд. В прошлом году на этом этапе было три аварии. Вам нужно финишировать. Не победа, а очки. Поняли?

Данте кивнул. Эллиот — тоже.

В боксах пахло сыростью. Механики проверяли тормоза, перебирали колёса. Эллиот ещё раз пересмотрела настройки, добавила мягкости подвеске — на случай аквапланирования.

— Ты боишься? — спросил Данте, подходя к ней за час до практики.

— Нет, — ответила она. — У меня нет времени бояться. Он усмехнулся, но без обычной колючести.

— Я тоже.

Она не ответила.

Практики в пятницу прошли под проливным дождём.

Данте выехал на первый круг, и уже через два поворота его занесло — он выровнял, но Эллиот увидела по графику, как сжались его руки на руле.

— Брусчатка на выходе из четвёртого, — сказала она.

— Вижу.

— Сбавь скорость на входе. Лучше потерять время.

— Я знаю.

Он проехал ещё три круга. Время было девятым — не позор, но и не победа. Когда он заехал в боксы, лицо было мокрым, но не от пота.

— Машина не едет, — сказал он.

— Едет. Ты слишком давишь на газ в поворотах.

— Да знаю я.

- Так если знаешь, зачем говоришь тогда, что машина не едет?

Он ничего не ответил, лишь развернулся и ушёл.

Квалификация в субботу — дождь как из ведра.

Данте выехал на прогревочный круг, и уже на первом повороте его занесло. Он удержал, но по радио Эллиот услышала его дыхание — частое, прерывистое.

— Сбавь темп, — сказала она. — Лучше стартовать с середины.

— Я могу быстрее.

— Можешь. Но не должен.

Он проехал квалификационный круг — восьмое время.

Эллиот понимала, что это провал, но не сказала ни слова.

Вечером она сидела в номере, смотрела на графики. В голове крутилась одна мысль: «Монтеверди не простит ошибок. Я не прощу себя».

Воскресенье. Гонка.

Дождь не кончался. Эллиот стояла на пит-уолл, закутавшись в дождевик, планшет был прикрыт от воды. Данте выехал на прогревочный круг.

— Старт аккуратнo. Первый поворот — мокрый.

— Понял.

Он удержал позицию. Первые десять кругов — осторожно, без риска.

— Шестой впереди на три секунды, — сказала она. — Догоняй.

Он догнал. На пятнадцатом круге — пятого. На двадцатом — четвёртого.

— Хорошо, — сказала она. — Теперь третий. Он медленнее в эске. Атакуй там.

— Вижу.

Он приблизился. Но на выходе из эски впереди идущая машина резко затормозила — аквапланирование. Данте пришлось уходить в сторону, на мокрую брусчатку.

— Чёрт, — сказал он.

Эллиот видела на мониторе — болид вильнул, ударился задним крылом о барьер, развернулся и остановился поперёк трассы.

Красные флаги. Тишина в наушниках.

— Данте! — крикнула она. — Ты жив?

Молчание. Три секунды, которые длились вечность.

— Да, — голос севший, — чёртова брусчатка.

Она не помнила, как заставила себя говорить. В ушах шумело, но она сказала:

— Заезжай в боксы.

— Уже не могу. Заднее крыло снесло. Машина не едет.

Эллиот прислонилась к барьеру. Ноги не держали. Она слышала, как механики кричат что-то, как Карл говорит по радио. Она смотрела на экран, где красная точка — его болид — стояла неподвижно.

— Эллиот! — голос Карла был резким. — Он жив. Слышишь? Жив. Все хорошо.

Она кивнула. Слова не шли, застревали где-то в горле.

В боксах было тихо. Данте привезли на эвакуаторе. Он вылез сам, без помощи, но хромал. Эллиот стояла у входа, когда он подошёл.

— Живой, — сказала она.

— Как видишь.

— Что случилось?

— Аквапланирование. Не я один. Трое вылетели. — Он посмотрел на неё. — Ты была права. Не надо было атаковать в эске.

— Я тебе говорила.

— Говорила. Я дурак.

Она хотела сказать что-то колкое, но не смогла. Внутри всё дрожало, но она держалась.

— Иди к врачу. Потом разберёмся.

Он кивнул. Проходя мимо, задержался на секунду.

— Спасибо, Карт, что держала связь.

— Моя работа.

— Знаю. — Он ушёл.

Эллиот осталась стоять. Механики уже закатывали иско-
реженный болид. Карл подошёл, положил руку на плечо.

— Жив, и это главное.

— Машину жалко.

— Машину починим. А пилота не воскресишь.

Она кивнула. И пошла разбирать телеметрию последнего
круга.

Вечером, сидя в номере, она прокручивала запись снова
и снова.

Тот момент — её команда: «Атакуй там». Его маневр.
Удар. Тишина в наушниках. Она сидела, сжимая телефон, и
не знала, что делать.

В дверь постучали.

— Войдите.

Карл зашёл, сел на стул рядом.

— Ты винишь себя?

— Я дала команду.

— Он не послушался бы «не рискуй». Ты знаешь.

— Знаю. Но я могла сказать это.

— Могла. Но не сказала. Потому что ты инженер. Ты считаешь риски. И ты была права — он был быстрее в том повороте. Случилось то, что не могли предвидеть.

— Я могла.

— Ты не бог. — Он посмотрел на неё твёрдо. — Он жив. Машину починят. Ты справишься.

Карл встал и вышел.

Эллиот осталась одна. Она долго сидела, глядя на закрытую дверь.

Потом взяла телефон и написала Марин: «Всё хорошо. Авария, но он жив. ».

Марин ответила через минуту: «Ты как?»

«Нормально. Устала».

«Ложись спать».

«Лягу».

Она не легла. Сидела у окна, глядя на мокрые улицы Монтеверди.

Дождь не кончался. Она знала, что завтра будет разбор полётов. И снова видеть его. И делать вид, что ничего не случилось. Но внутри всё болело.

Она закрыла глаза, стараясь делать глубокие вдохи. Но это не помогало.

Глава 5. Последствия

Обратный рейс был тихим. Чартер Ascher летел над облаками, и в салоне почти никто не говорил. Механики спали, укрывшись куртками. Карл читал что-то на планшете. Данте сидел у окна, с перевязанной лодыжкой, и смотрел вниз. Эллиот сидела через два ряда — не рядом, не напротив. Достаточно далеко, чтобы не видеть его лица, но достаточно близко, чтобы слышать, как он иногда вздыхает. Она не подошла к нему.

В аэропорту их встретил автобус. Данте хромал, но от помощи отказался. Сел на переднее сиденье, уставился в окно. Эллиот села сзади, с планшетом, но не смотрела в экран — смотрела на его затылок.

— Мы в Оксфорде через час, — сказал Томас, садясь рядом с ней. — Карл сказал, чтобы ты взяла выходной.

— У меня работа.

— Ты работала пять дней без перерыва. Возьми один.

— Я возьму, когда болид будет готов к следующему этапу. Томас не спорил. Только покачал головой.

База встретила их холодом. Ангар был почти пуст — повреждённый болид остался в Италии, его должны были привезти через два дня на ремонт. Механики разобрали оборудование, уехали по домам. Эллиот зашла в свой кабинет, закрыла дверь и села за стол.

Тишина давила и угнетала ее.

Она открыла ноутбук — телеметрия последнего круга. Прокрутила до момента аварии. Снова увидела, как он уходит в сторону, как вильнула машина, как она замерла на экране.

— Работа, — сказала она себе.

Но рука дрогнула, когда она закрыла файл.

На следующий день Данте приехал на базу. Он хромал меньше — врач сказал, что ушиб, но кости целы. Эллиот увидела его в коридоре, когда шла за кофе.

Они остановились.

— Ты должен был быть дома, — проговорила она.

— Я дома. — Он кивнул на бокс. — Там болида нет. Но есть симулятор.

— Тебе нельзя работать.

— Мне нельзя ходить. Сидеть можно.

Она не нашлась, что ответить. Отступила в сторону, пропуская его. Данте прошёл мимо, не взглянув. Эллиот пошла в свой кабинет. Кофе остыл, но это ее не особо беспокоило.

Дни тянулись медленно. Данте приходил каждый день. Сидел на симуляторе, слушал инженеров. Эллиот работала над доработкой болида — изучала повреждённые узлы, просчитывала новые настройки подвески, искала, как улучшить аэродинамику, чтобы на следующем этапе машина вела себя более предсказуемо. Она перебирала данные, чертила схемы, перепроверяла каждую деталь.

Они почти не пересекались. Только иногда в столовой — он с бутербродом, она с кружкой кофе.

— Как нога? — спросила она однажды, садясь за соседний столик.

— Заживает.

— Врач сказал, когда можно будет за руль?

— Через две недели.

— Хорошо. Я закончу доработки к твоему возвращению.

Он кивнул. Она кивнула. И они разошлись.

Эллиот не думала о нём по ночам. По крайней мере, так она себе говорила. Она сидела в своей лондонской квартире, смотрела на город за окном. Дождь, как обычно, моросил. В наушниках играла классика, Марин сидела на диване и делала уроки. Кристина заглядывала иногда — приносила пиццу, говорила о пустяках.

— Ты какая-то не такая, — сказала Кристина в один из вечеров.

— Устала.

— Ты всегда усталая. Но сейчас другая.

— Просто гонка была сложной.

— А пилот?

— Жив. Восстанавливается.

— И ты из-за этого переживаешь?

Эллиот подняла глаза.

— Я переживаю, потому что я дала команду атаковать. Он вылетел. Это моя вина.

— Да какая твоя вина? Он жив, восстановится. Все с ним хорошо будет, - Крис сжала ее руку.

Эллиот не ответила. Кристина не стала давить. Только обняла на прощание.

Через неделю Данте сняли гипс. Эллиот не пошла в больницу — Карл сказал, что всё прошло хорошо. Она просто сидела в своём кабинете, перебирала настройки, когда в дверь постучали.

— Войдите.

Данте зашёл. Без костылей, без хромоты.

— Ты уже ходишь? — спросила она.

— Почти.

— Садись.

Он прошел и развалился на стуле.

— Я хочу сказать тебе кое-что, — начал он. — Ты не виновата в той аварии.

— Я знаю, - глядя в пол, ответила Эллиот.

— Тогда почему ты сидишь здесь и выглядишь так, будто похоронила кого-то?

Она подняла глаза.

— Потому что я боюсь.

— Чего?

— Что в следующий раз я не успею.

Он помолчал. Потом сказал:

— Ты всегда успеваешь, Карт.

— Откуда тебе знать?

— Потому что ты всегда считаешь. — Он встал. — Я вернусь за руль на следующей неделе. Доработки будут готовы? — Будут.

— Тогда до встречи.

Он вышел. Эллиот осталась одна. В коридоре — шаги. Потом — тишина. Она закрыла глаза. Внутри всё ещё болело. Но теперь — чуть меньше.

Сегодня все-таки девушка решила поехать домой сразу после окончания работы. Она доехала до Лондона, вышла из автобуса, поднялась в квартиру. Марин ещё не вернулась. Эллиот села за стол, открыла ноутбук, но вместо работы уставилась в тёмный экран. Слова Данте всё ещё звучали в голове: «Ты всегда успеваешь, Карт.» Она не знала, зачем он это сказал. Может, чтобы успокоить. Может, чтобы она не винила себя. Она выключила ноутбук и пошла в душ, так и не поняв, поверила ли ему.

Глава 6. Шрамы

Он приехал в Глазго на рассвете.

Дорога заняла шесть часов, и всё это время за окном тянулись серые поля, серое небо, серые дома. Когда он оставил машину у больницы, было ещё темно. Фонари горели жёлтым, и их свет падал на мокрый асфальт.

Данте не хотел заходить. Сидел в машине, смотрел на вход, где уже курили первые посетители. Старая женщина с тростью, мужчина в рабочей одежде. Они выглядели уставшими, привыкшими.

Он вздохнул, взял ключи, вышел.

Лука ждал в холле, на пластиковых стульях. Телефон в руке, капюшон на голове. Увидел брата — не встал.

— Ты приехал, — сказал он ровно.

— Дай угадаю: ты уже час сидишь здесь и не заходишь.

— Сорок минут. — Лука убрал телефон. — Он спит. Врачи сказали, ночью было плохо.

— Что значит «плохо»?

— Ты сам зайдёшь и спросишь. Я не врач. — Лука посмотрел на него. — Ты выглядишь хуже, чем в прошлый раз.

— Я не спал.

— Отлично. Я тоже.

Данте сел рядом. Стул был жёстким, холодным. В коридоре пахло дезинфекцией и страхом.

— Лука, — сказал он тихо. — Я не хочу ссориться.

— А я не хочу разговаривать. Но приходится.

— Тогда просто будь здесь.

Лука не ответил

Отец лежал с закрытыми глазами, бледный, похудевший.

Рядом с кроватью стояла капельница, на экране монитора бежала зелёная линия — пульс. Данте сел на стул, взял отца за руку. Кожа была сухой, горячей.

— Пап, — сказал он.

Отец не открыл глаз. Только сжал пальцы — слабо, но осознанно.

— Я здесь, — добавил Данте. — Я приехал.

Отец открыл глаза. Мутные, усталые, но живые.

— Данте, — прошептал он. — Ты пришёл.

— Я всегда прихожу.

— Не всегда. Но сейчас — да. — Отец попытался улыбнуться. — Как гонки?

— Были. Снова второе место.

— А авария?

— Ничего серьёзного. Я жив.

— Твой инженер? Не уволилась?

— Не уволилась, но винит себя.

— Ты её бережёшь?

— Она себя бережёт.

Отец слабо усмехнулся.

— Ты всегда так говоришь. Когда кто-то важен, ты дела-

ешь вид, что он сам себя бережёт. А сам не отпускаешь.

— Я не держу её.

— Держишь. Просто не знаешь, как сказать. — Отец кашлянул, долго, надрывно. — Ты боишься, что если подпустишь, она уйдёт.

— Она мой инженер.

— Она женщина, Данте. И ты это знаешь.

Данте молчал. Смотрел на монитор, на зелёную линию. Она шла ровно.

— Я не знаю, что мне делать, — сказал он наконец.

— Ты знаешь. Просто боишься.

— Чего?

— Что она станет важнее гонок.

Данте не ответил.

Он вышел из палаты через час. Лука стоял у окна, смотрел на парковку.

— Он уснул, — сказал Данте.

— Я видел.

— Лука, я хочу, чтобы ты знал. Я не брошу его. И тебя — тоже.

— Ты уже бросил. — Лука обернулся. — Ты уехал гоняться, оставил нас. Папа болел, я был один. Ты приезжал только когда мог. Не когда был нужен.

— Я думал, что деньги решат всё.

— Деньги — это не ты.

Данте молчал.

— Я знаю, — сказал он наконец. — Я был дураком.

— Был? — Лука усмехнулся, но без злости. — Ты до сих пор дурак. Но ты приехал. Это уже что-то.

Они стояли у окна. За ним — серый Глазго, серое небо.

— Она тебе нравится, — сказал Лука. — Твой инженер.

— С чего ты взял?

— Потому что ты не говоришь о ней как о других. Ты её защищаешь. Даже когда она не рядом.

Данте не ответил.

— Ты боишься, что она уйдёт, — добавил Лука. — И поэтому не подпускаешь. Как с нами.

— Это другое.

— Нет. Это то же самое.

Лука развернулся и пошёл к выходу.

— Я завтра приеду, — сказал он на ходу. — Не сиди здесь до ночи. Папе нужно, чтобы ты был здоров.

Данте остался у окна. Смотрел на серый город и думал о ней.

Она не спала.

Вернулась из Оксфорда поздно опять, заварила чай, села на кухне. Марин ушла к подруге, в квартире было тихо. За окном моросил дождь, и его звук смешивался с гулом города.

Эллиот смотрела в кружку. Чай остывал, но она не замечала.

В голове — пустота. Точнее, попытка её удержать. Потому что, если она позволит мыслям прийти, они разорвут её на части.

Она встала, пошла в ванную, включила душ. Горячая вода полилась на спину, пар заполнил комнату. Она закрыла глаза.

— Я не делала этого, — сказала она тихо. — Я не делала этого.

Но кто-то сделал это и подставил ее.

Она снова стояла в кабинете главного инженера. Того человека, которому доверяла. Который научил её работать с шинами, который звал её на ужин с командой, который хлопал её по плечу после удачных квалификаций.

Он сидел напротив и смотрел холодно. Как на врага.

— Мы получили данные. Давление в шинах перед квалификацией было изменено вручную. Логи показывают, что правки вносились с твоего ноутбука.

— Я не делала этого. — Её голос не дрожал, хотя внутри всё сжималось. — Кто-то вошёл в систему.

— Твой пароль. Твой компьютер. Твоя ответственность.

— Я знаю. И я говорю: это не я.

Он покачал головой, закрыл ноутбук.

— Ты понимаешь, что это значит? Даже если ты не виновата, слухи уже пошли. Пилоты опасаются, спонсоры звонят. Мы не можем оставить тебя.

— А если я докажу, что невиновна?

— Ты ничего не докажешь.

Она смотрела в его лицо. В нём не было сомнений. Не было сочувствия. Только усталость и желание закрыть вопрос.

— Кто это сделал? — спросила она.

— Следствие покажет.

Следствие не показало.

Её уволили через три дня. Слухи разлетелись за одну ночь: «Карт — саботажница», «она чуть не убила пилота», «её вышвырнули из Зефира». Она читала их в новостях, в чатах, слышала, как шепчутся за спиной.

Никто не защитил её. Никто не сказал: «Этого не могло быть».

Она стояла под водой, и горячие струи стекали по лицу, смешиваясь со слезами.

Она не плакала тогда. Держалась, не давала себе сломаться. Но сейчас, когда она осталась одна, когда в руках был только остывший чай и тишина, её накрыло.

Она вспомнила, как упаковывала вещи в Зефире. Как механики отводили взгляды. Как главный инженер, тот самый, в чьи глаза она смотрела каждое утро, чьи слова впитывала как губка, ведь он был авторитетом, а он даже не вышел попрощаться. Как она сидела в автобусе до Лондона и смотрела в одну точку, не веря, что это происходит с ней.

— Я ничего не делала, — прошептала она в кафель. — Я

просто работала.

Она сжала кулаки, прижала лоб к холодной стене. Пар окутал её. Сырые волосы прилипли ко лбу и шее.

— Всё это неправда. Всё.

Но внутри что-то билось — старая, выжженная боль, которая не заживала до конца. Она думала, что оставила её в Зефире. Но она пришла с ней.

Вода стала холодной. Эллиот закрыла кран, вышла из душа. Её руки дрожали, когда она натягивала халат.

В комнате было темно. Она легла на кровать, уставилась в потолок.

В ушах — его голос: «Ты всегда успеваешь, Карт». Она не знала, зачем он это сказал. Может, чтобы успокоить. Может, чтобы она не винила себя.

Но она всё равно винила. Себя за то, что не заметила. За то, что доверяла. За то, что позволила случиться снова.

— Не буду, — сказала она в темноту. — Я больше не буду доверять.

Он сидел на кровати, смотрел в потолок. Телефон лежал рядом. Он взял его, открыл переписку с Эллиот.

Последнее сообщение от неё: «Доработки будут готовы к твоему возвращению».

Он написал: «Как ты?»

Потом стер. Написал: «Я в Глазго. Отец плох».

Снова стер. Он не знал, что сказать. Не умел быть близким. Не умел просить о помощи. Он закрыл телефон и смотрел в потолок. За окном шумел дождь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.